

Сравнительный анализ личностных ресурсов переходного и нового поколений белорусов и россиян в новых культурно-исторических условиях

М.А. ОДИНЦОВА *,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
mari505@mail.ru

Н.П. РАДЧИКОВА **,
ФГБОУ ВО РНИМУ, Москва, Россия,
nataly.radchikova@gmail.com

Н.В. КОЗЫРЕВА ***,
БГПУ, Минск, Республика Беларусь,
kozyreva_nina@tut.by

Е.И. КУЗЬМИНА ****,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
kuzminaei@mgppu.ru

В статье представлен сравнительный анализ личностных ресурсов (жизнестойкости, самоактивации, личностного динамизма, самоконтроля) последнего советского (переходного) и постсоветского (нового) поколений белорусов и россиян. На материале сравнительного анализа личностных ресурсов четырех групп

Для цитаты:

Одинцова М.А., Радчикова Н.П., Козырева Н.В., Кузьмина Е.И. Сравнительный анализ личностных ресурсов переходного и нового поколений белорусов и россиян в новых культурно-исторических условиях // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 2. С. 47–66. doi:10.17759/sps.2019100205

* *Одинцова Мария Антоновна* — кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения факультета дистанционного обучения Московского государственного психолого-педагогического университета (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, mari505@mail.ru

** *Радчикова Наталия Павловна* — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей психологии и педагогики, психолого-социальный факультет Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова (ФГБОУ ВО РНИМУ), Москва, Россия, nataly.radchikova@gmail.com

*** *Козырева Нина Вячеславовна* — преподаватель кафедры психологии образования Института психологии, Белорусский государственный педагогический университет (БГПУ), Минск, Республика Беларусь, kozyreva_nina@tut.by

**** *Кузьмина Елена Ивановна* — декан факультета дистанционного обучения Московского государственного психолого-педагогического университета (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, kuzminaei@mgppu.ru

($N=426$): переходного ($N=100$) и нового ($N=104$) поколений россиян; переходного ($N=93$) и нового ($N=129$) поколений белорусов рассматриваются: 1) различия в характеристиках жизнестойкости, самоактивации, самоконтроле и личностном динамизме; 2) структуры личностных ресурсов переходных и новых поколений белорусов и россиян. Показано, что жизнестойкость, самоактивация, самоконтроль, личностный динамизм имеют разный уровень выраженности у разных поколений белорусов и россиян в зависимости от культурно-исторического контекста. Особенностью переходных поколений белорусов и россиян является более однородная структура личностных ресурсов в отличие от структуры личностных ресурсов новых поколений. В исследовании представлены проблематика историчности поколений и проблематика вклада культурно-исторических условий в личностные ресурсы, расширены представления о ситуациях вызова.

Ключевые слова: личностные ресурсы, жизнестойкость, самоактивация, самоконтроль, личностный динамизм, культурно-исторические условия, ситуации вызова, распад СССР, поколения, белорусы, россияне.

Современный многогранный, постоянно меняющийся мир, мир неопределенности, транзитивности и вызовов требует от народов постсоветского пространства активизации личностных ресурсов. Личностные ресурсы опосредованы множеством факторов, среди которых: культурно-исторические условия; ситуации вызова; культурная вариативность в предпочтении тех или иных стратегий поведения. Сегодня мы являемся очевидцами и участниками существенных преобразований на территории постсоветского пространства, что предоставляет уникальную возможность исследования разных поколений людей с учетом вышеперечисленных факторов. Это своеобразный «естественный исторический эксперимент», поставленный самой жизнью и дающий нам богатую почву для анализа.

Особый интерес вызывают наиболее близкие народы: белорусы и россияне, объединенные историческим прошлым, культурными традициями, языком, но уже на протяжении 27 лет живущие в разных автономных государствах и, соответственно, в разных социально-политических,

экономических, культурных условиях. Необходимость анализа эмпирических данных с учетом культурно-исторического аспекта все чаще отмечается в исследованиях последних лет. Так, изучены личностные ресурсы разновозрастных групп в контексте культурно-исторических условий [31]; обозначена роль культурно-исторических условий в развитии личностных ресурсов людей разного возраста и разных этнических групп [6; 9]; сформированы представления об историчности поколений, признается многозначность понятия «поколение» и разнообразие в дифференциации поколений в зависимости от культурно-исторических изменений [27]. Установлено, что поколение — это культурно-историческая общность людей, имеющих схожие социально-психологические, ценностные, этнокультурные характеристики, сформировавшаяся под влиянием одних и тех же *значимых исторических событий*, ощущающая их воздействие в процессе взросления и способная адаптироваться к внешним вызовам и изменениям [12; 27]. При этом отмечается размывание возрастных границ между

поколениями в результате динамики и скорости общественных перемен [10; 30]. Признается дробная дифференциация поколений, что является новым явлением современной истории, обусловленным спецификой экономического, политического и культурного развития постсоветского пространства. Обозначается некоторая отчужденность между поколениями, разница в возрасте между которыми минимальна [10; 30]. Отчужденность подмечена и между наиболее близкими народами-братьями — белорусами и россиянами — в результате существенных преобразований ценностей [5; 22; 36; 37], характеристик культуры [4; 15; 16]; изменений в качестве и специфике жизни белорусского и российского общества [16; 28; 33] и т.д.

Таким образом, культурно-историческая теория может стать главным направлением исследования личностных ресурсов разных поколений постсоветских государств с учетом исторических событий. Сравнительно-исторические исследования, один из вариантов которых представлен в данной статье, позволяют углубиться в проблематику влияния культурно-исторических условий на своеобразие личностных изменений разных поколений белорусов и россиян, что придает полученным результатам более точный характер.

Из многочисленных личностных характеристик именно личностные ресурсы отражают наличие сил и внутренней готовности к преодолению ситуаций вызова. Действительно, исторические преобразования с последующими кардинальными социо-культуральными изменениями, приводящими к разрыву обществ, с одной стороны, создают высокое напряжение, переживаются как дистресс, приводят к дезадаптации отдельных людей и социальных групп. С другой, воспринимаясь как «ситуация вызова» личностному раз-

витию [17], порождают новые возможности, стимулируют активность, творческую энергию и приводят к переструктурированию личностных ресурсов. Несмотря на то, что большинство исследований концентрируются на негативной стороне воздействия трудных жизненных ситуаций на психологическое здоровье и благополучие людей, все чаще эмпирически выявляется компенсаторная, развивающая и адаптивная роль таких ситуаций. Так, выделены буферная и фильтрующая функции личностных ресурсов и отмечено положительное воздействие трудных жизненных ситуаций на развитие трансформационного совладания [11]; подчеркивается положительная стимулирующая роль кризисных ситуаций в жизни людей [26]; изучена роль трудной жизненной ситуации в активизации личностных ресурсов и адаптации к неопределенности [14]; отмечена роль динамичной и неустойчивой среды в развитии готовности к изменениям и оптимизации личностных ресурсов [21]. Все это делает личностные ресурсы ключевой личностной характеристикой в эпоху перемен и вызовов. Таким образом, целью данного исследования является анализ выраженности и структуры личностных ресурсов, которые разные поколения белорусов и россиян могут мобилизовать для адаптации к быстро меняющимся условиям.

Одной из причин дифференциации поколений стало такое значимое историческое событие в нашей стране, как распад Советского Союза. Жизнь народов поделилась на «до» и «после». «До» люди были объединены общим советским прошлым с его ценностями, идеологией, культурой, имели единое гражданство, что формировало чувство принадлежности к супердержаве. Жизнь «после» привела к формированию автономных, самостоятельных государств, существенно повлияла на

экономический, политический, культурный статус народов. Предполагается, что личностные ресурсы разных поколений белорусов и россиян могут иметь разный уровень выраженности в зависимости от культурно-исторических условий. Возможно, структуры личностных ресурсов последних советских поколений белорусов и россиян схожи, в отличие от структур новых поколений. Чем дальше мы двигаемся по исторической траектории в будущее, чем своеобразнее культурно-исторические условия и ситуации, тем больше может быть различий в личностных ресурсах даже самых близких народов.

Эмпирическое исследование

Участники исследования. В исследовании приняли участие два поколения белорусов и россиян ($N=426$): последнее советское (переходное) и постсоветское (новое). При формировании выборки учитывались место проживания (столицы двух стран), социальный статус и возраст поколенческих групп. Представителями *нового поколения* явились студенты вузов ($N=233$), из них: 129 человек (84 девушки и 45 юношей) из Беларуси и 104 человека (57 девушек и 47 юношей) — из России. Средний возраст россиян составил 22,0 года (медиана = 21 год, стандартное отклонение = 3,3). Средний возраст белорусов — 22,4 года (медиана = 21 год, стандартное отклонение = 3,2). Группы были эквивалентны по возрасту ($t(231)=0,95$; $p=0,34$) и по полу: мужчины составляли 35–45% выборки ($\chi^2=2,56$; $p=0,11$).

Вторую группу составило трудоспособное население с высшим образованием ($N=193$) Беларуси ($N=93$) и России ($N=100$). Это переходное поколение, оказавшееся на изломе эпох, поколе-

ние социализации по советскому типу, годы зрелости которого пришлись на период существования уже новых автономных государств. Средний возраст россиян составил $38,9\pm 5,2$ года (медиана = 39 лет), средний возраст белорусов — $38,5\pm 6,1$ года (медиана = 37 лет). Группы были эквивалентны по возрасту ($t(191)=0,51$; $p=0,61$). Мужчины составляли 33–34% выборок ($\chi^2=0,01$; $p=0,92$).

Различий по половому составу участников исследования не обнаружено в переходном и в новом поколениях россиян ($\chi^2=2,67$; $p=0,10$) и белорусов ($\chi^2=0,06$; $p=0,81$). Российские мужчины и женщины не различались по возрасту в переходном ($t(98)=1,93$; $p=0,06$) и в новом ($t(102)=0,09$; $p=0,93$) поколениях. Белорусские мужчины и женщины также не различались по возрасту в переходном ($t(91)=0,76$; $p=0,45$) и в новом ($t(127)=1,22$; $p=0,22$) поколениях.

Методики исследования. Ситуация перемен, являющаяся вызовом для переходного и нового поколений белорусов и россиян, требует активизации таких личностных ресурсов, как жизнестойкость, самоактивация, самоконтроль, готовность к изменениям. Это определило выбор методик исследования:

1) Методика самоактивации для изучения самостоятельности, физической и психологической активации разных поколений белорусов и россиян [24].

2) Тест жизнестойкости для анализа вовлеченности, контроля, принятия риска [25].

3) Опросник личностного динамизма для изучения готовности представителей разных поколений к изменениям, стремлениям к преобразованию [29].

4) Шкала самоконтроля для исследования личностно-мотивационных ресурсов по регулированию импульсивных побуждений [8].

Процедура исследования. Опросники предъявлялись как индивидуально, так и в небольших группах (от 5 до 15 человек) с инструкцией: «Нами проводится исследование личностных ресурсов людей разных поколений. Просим объективно ответить на вопросы». Продолжительность исследования занимала не более 20 минут.

Результаты исследования

Для сравнения степени проявления личностных ресурсов двух поколений, проживающих в разных странах (Россия и Беларусь), был применен t-критерий Стьюдента. Результаты анализа и описательная статистика по группам белорусов и россиян переходного и нового поколений представлены в табл. 1.

Результаты сравнения показывают, что переходные поколения россиян и

белорусов различаются только по одному показателю – контролю (шкала методики, измеряющая один из критериев жизнестойкости), который значительно выше у россиян. Новые же поколения россиян и белорусов различаются почти по всем личностным ресурсам и по всем итоговым шкалам используемых методик: самоактивации, самоконтролю, жизнестойкости и личностному динамизму, причем все эти показатели существенно выше у молодых россиян.

Сравнительный анализ исследуемых личностных ресурсов переходного и нового поколений россиян не выявил статистически значимых различий между ними (табл. 1), в то время как между поколениями белорусов значимых различий не получено только по одному показателю – самостоятельности. Все остальные личностные ресурсы в меньшей степени выражены у нового поколения белорусов, в отличие от переходного поколения.

Таблица 1

Выраженность личностных ресурсов разных поколений России и Беларуси

Поколения	Переходное		Новое		Уровень значимости различий			
					Россия–Беларусь		Переходное–новое поколения	
Страна	Россия	Беларусь	Россия	Беларусь	Переходное	Новое	Россия	Беларусь
Самоактивация								
Самостоятельность	17 ± 3	17 ± 4	17 ± 3	16 ± 4	н.з	н.з	н.з	н.з
Физическая активация	16 ± 4	18 ± 4	16 ± 4	16 ± 4	н.з	н.з	н.з	<0,01
Психологическая активация	16 ± 3	15 ± 4	16 ± 3	13 ± 3	н.з	<0,01	н.з	<0,01
Самоактивация (итоговый балл)	50 ± 8	50 ± 10	49 ± 8	46 ± 9	н.з	<0,01	н.з	<0,01
Самоконтроль								
Самоконтроль	40 ± 7	38 ± 7	39 ± 8	34 ± 6	н.з	<0,01	н.з	<0,01

Поколения	Переходное		Новое		Уровень значимости различий			
					Россия—Беларусь		Переходное—новое поколения	
Страна	Россия	Беларусь	Россия	Беларусь	Переходное	Новое	Россия	Беларусь
Жизнестойкость								
Вовлеченность	21 ± 5	22 ± 5	20 ± 5	19 ± 6	н.з	н.з	н.з	<0,01
Контроль	16 ± 4	13 ± 4	15 ± 4	11 ± 3	<0,01	<0,01	н.з	<0,01
Принятие риска	12 ± 3	11 ± 3	11 ± 4	10 ± 3	н.з	<0,05	н.з	<0,05
Жизнестойкость (итоговый балл)	49 ± 10	47 ± 10	47 ± 12	41 ± 11	н.з	<0,01	н.з	<0,01
Личностный динамизм								
Личностный динамизм	33 ± 6	34 ± 6	34 ± 7	32 ± 5	н.з	<0,05	н.з	<0,01

Примечание. В таблице приведены среднее ± стандартное отклонение и уровни статистической значимости p

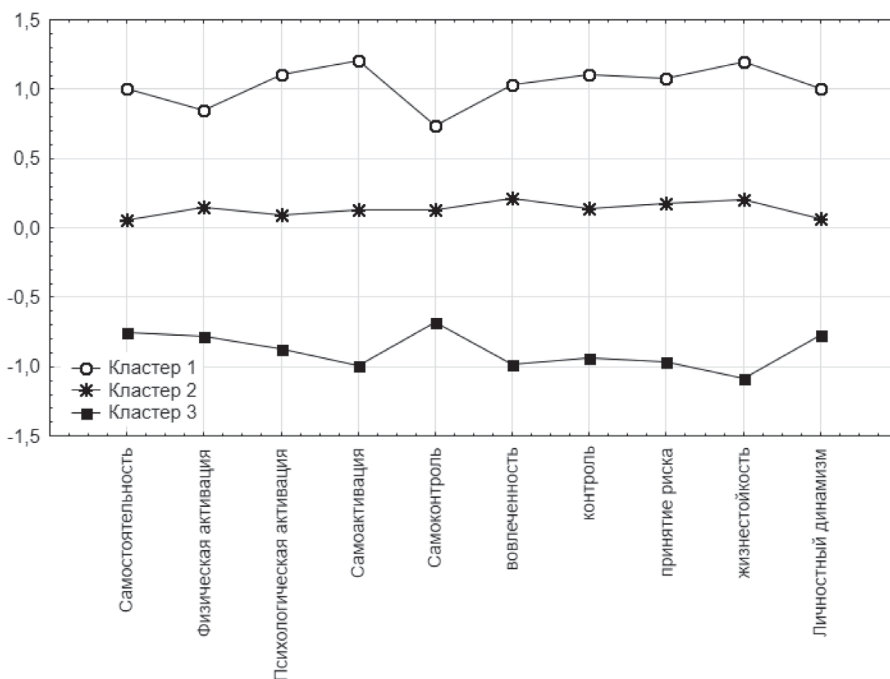

Рис. 1. Результаты кластерного анализа по методу k-средних

Для того чтобы проверить, как различаются выборки сразу по всем исследуемым характеристикам, был проведен кластерный анализ по методу *k*-средних. В качестве переменных выступили все личностные ресурсы, включая шкалы методик. Данные были предварительно нормированы. В качестве начальных центров кластеров брались наблюдения, максимизирующие начальные расстояния между ними. Результаты кластерного анализа (рис. 1) демонстрируют, что всех респондентов можно разделить на три группы: с высоким (кластер 1), средним (кластер 2) и низким уровнем выраженности личностных ресурсов (кластер 3).

Результаты деления на кластеры для различных поколений Беларуси и России представлены в табл. 2. При сравнении участников исследования мужского и женского пола по принадлежности к определенному кластеру статистически значимых различий не выявлено ($\chi^2=3,21$; $p=0,20$). Не оказалось статистически значимых различий и между переходными поколениями двух стран ($\chi^2=0,37$; $p=0,83$). Примерно половина россиян и белорусов переходного поколения попала в группу со средним уровнем выраженности личностных ресурсов (50% и 51% со-

ответственно), четверть опрошенных — в группу с низким уровнем (23% и 26% соответственно) и четверть — в группу с высоким (27% и 24% соответственно).

Различия же между новыми поколениями оказались существенными ($\chi^2=10,76$; $p=0,0046$). Так, в белорусской выборке почти половина респондентов попала в группу с низким уровнем выраженности личностных ресурсов (47%), тогда как в российской — менее трети (31%). Примерно треть респондентов нового поколения россиян (28%) отличается высоким уровнем личностных ресурсов, среди нового поколения белорусов — таких только 12%. К группе со средним уровнем личностных ресурсов относится примерно одинаковое количество представителей нового поколения белорусов и россиян (по 41%).

Как видим, переходные поколения белорусов и россиян не различаются по уровню выраженности личностных ресурсов, что не свойственно новым поколениям, выросшим уже в совершенно других культурно-исторических условиях.

Сравнительный анализ переходного и нового поколений россиян по уровню выраженности личностных ресурсов показал, что различий между ними не наблюдается

Таблица 2

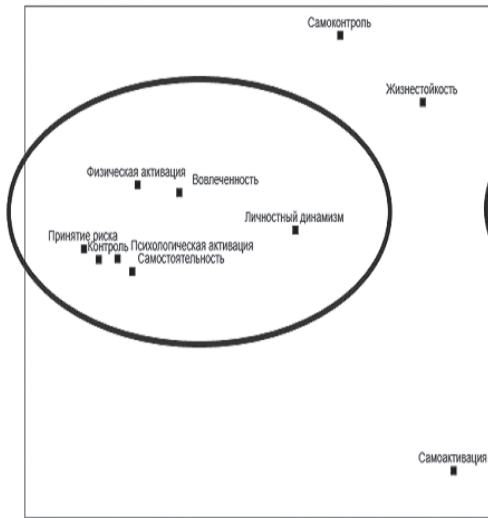
Соотношение респондентов (число человек и проценты) с высоким, средним и низким уровнем выраженности личностных ресурсов в зависимости от страны проживания и принадлежности к разным поколениям

Уровень выраженности личностных ресурсов	Переходное поколение		Новое поколение	
	Россия	Беларусь	Россия	Беларусь
Высокий	27	22	29	16
	27,00%	23,66%	27,88%	12,40%
Средний	50	47	43	53
	50,00%	50,54%	41,35%	41,09%
Низкий	23	24	32	60
	23,00%	25,81%	30,77%	46,51%
Всего	100	93	104	129

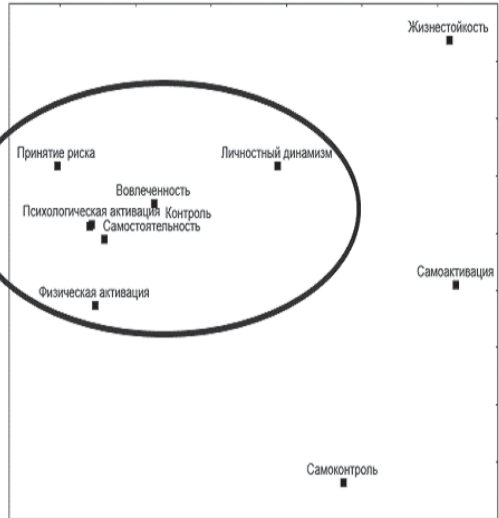
($\chi^2=1,99$; $p=0,37$), тогда как различия между разными поколениями белорусов оказались существенными ($\chi^2=11,19$; $p=0,0037$).

Для того чтобы установить, различаются ли структуры исследуемых нами личностных ресурсов разных поколений

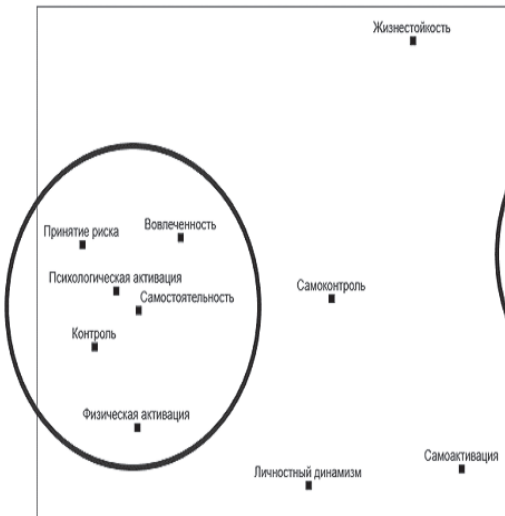
белорусов и россиян, был применен метод многомерного шкалирования на основании матрицы сходства между личностными ресурсами (сходство определялось с помощью метрики Евклида). Результаты анализа представлены на рис. 2.

а) Переходное поколение белорусов

б) Переходное поколение россиян

в) Новое поколение белорусов

г) Новое поколение россиян

Рис. 2. Результаты многомерного шкалирования для разных поколений белорусов и россиян

Результаты анализа показали, что у переходных поколений белорусов и россиян довольно четко выделяется основной блок личностных ресурсов, в который включаются: физическая и психологическая активация, вовлеченность, контроль, самостоятельность и принятие риска. При этом такие характеристики, как самоактивация, самоконтроль и жизнестойкость занимают обособленное положение. У белорусов самоконтроль связан с жизнестойкостью, а у россиян — с самоактивацией, однако в целом прослеживается сходство в структурах личностных ресурсов данных групп.

У новых поколений белорусов и россиян наблюдается большая дифференциация между личностными ресурсами по сравнению с переходными поколениями. «Основной» блок имеет более размытый характер. Личностный динамизм связан с характеристиками данного блока в меньшей степени, он связан с жизнестойкостью у россиян и с самоактивацией у белорусов. У нового поколения россиян самоконтроль соотносится с самоактивацией так же, как и у переходного поколения. У нового поколения белорусов жизнестойкость не связана с самоконтролем, выделившись фактически в независимый личностный ресурс.

Таким образом, структуры личностных ресурсов переходных поколений довольно схожи, в отличие от более размытых и дифференцированных структур новых поколений белорусов и россиян.

Обсуждение результатов

Такое глобальное историческое событие, как распад СССР, для перестроенных поколений является особенно значимым, что подтверждается много-

численными исследованиями [1; 3; 13] и становится ситуацией вызова [17; 18]. Д.А. Леонтьев определяет вызов в самом общем виде как нечто, «что предъявляет какая-то внешняя (по отношению к нашему Я) ситуация» [18, с. 450]. Это требование, призывающее к тому или иному роду активности. В качестве вызовов рассматривают три класса ситуаций [18] и соответствующие им активности:

1) ситуации неопределенности, требующие гибкости, личностного динамизма;

2) ситуации достижения, требующие жизнестойкости (вовлеченности, контроля, принятия риска) как способности к реализации целей вопреки ограничениям;

3) ситуации угрозы, призывающие к сохранению устойчивости с одновременным противостоянием им, что задействует самоконтроль.

Исходя из результатов нашего исследования, возникает необходимость обозначить четвертый тип ситуации вызова: ситуации устоявшейся, «застывшей» реальности. На наш взгляд, такие ситуации становятся наиболее трудными, так как заданные предопределенность, стабильность, однозначность не способствуют умножению степеней свободы и ограничивают личностные ресурсы, что может объяснять более низкие показатели личностных ресурсов для нового поколения белорусов. Как подметил Н. Талев в своей книге «Антихрупкость»: «Мы, возможно, станем более хрупкими, если оградим себя от любых ядов, а дорога к неуязвимости начинается с малой толики вреда» [32]. Новое поколение белорусов, выросшее в относительно безопасных и стабильных условиях [36], оказалось более «хрупким», в отличие от молодого поколения россиян и в отличие от двух переходных поколений. Как свидетельствуют многие специалисты [1; 21; 27], исторически

жизнь россиян никогда не отличалась стабильностью. И в ситуациях чередования стабильности с нестабильностью молодые россияне более позитивно воспринимают вызовы современности, считают их дорогой к успеху, проявляют активность и т.д. Для молодых белорусов устоявшаяся, «застывшая» реальность становится серьезным испытанием.

Кроме этого, важную роль играет и специфика белорусской культуры как культуры стыда, отзывчивости, жертвенности, бескорыстия [22]. Молодые белорусы «полагаются на внешние санкции за хорошее поведение», стыдятся отвержения, осмеяния [22, с. 50]. Такую культуру можно назвать дефензивной. В работе М.Е. Бурно с парадоксальным названием «Сила слабых» [7] дан психологический портрет особой группы дефензивных людей: «Дефензивный человек — не авторитарный, не агрессивный, не склонный командовать, а наоборот, защищающийся, “поджимающий хвост” в той обстановке, где агрессивный “оскаливается”» [7]. Такой человек неуверен в себе, тревожно-мнителен, стеснителен, астеничен, слабоволен, склонен к сомнениям и самообвинению, обостренному чувству вины. Сама сущность его душевных переживаний — врожденная борьба чувства неполноценности с ранимым самолюбием [7]. Одновременно с этим автор подчеркивает, что дефензивные люди тревожно одухотворены, интеллигентно деликатны, отличаются глубокой духовностью, именно такими людьми так много сделано в культуре. Далее автор подмечает, что дефензивность — тонкое, нежное образование, но удивительно стойкое, серьезно сопротивляющееся любому вредному воздействию [7]. Удивительно точное описание, данное М.Е. Бурно, полностью совпадает

с записками странствующих по Беларуси социологов [3] и в большей степени характеризует новое поколение белорусов. Данные характеристики подтверждаются и исследованиями Е.В. Беляевой, которая подметила в белорусской молодежи первого поколения периода социальной трансформации недостаток ориентации на активность, предприимчивость, соревновательность, успех, избыток созерцательности и стремления к медленным переменам [2].

Вместе с тем, в ситуациях вызова ставится вопрос о переосмыслении прошлого, необходимости отказа от устаревших, изживших себя представлений и поиска сил для вызова «застывшей» реальности. У переходных поколений белорусов и россиян и нового поколения россиян достаточно таких сил, сформирована готовность к переменам и действиям в самых неожиданных обстоятельствах. Общий ход истории, сами ситуации вызова сформировали такой тип личности: «бывалый народ» как народ, прошедший через много испытаний и накопивший богатейший жизненный опыт, являющийся основой жизнестойкости, самоактивации, личностного динамизма и т.п. Сложности возникают у тех, кому по тем или иным причинам не удалось приобрести такой опыт. Отсюда сниженный уровень личностных ресурсов, столь необходимых для совладания с вызовами.

Таким образом, структуры личностных ресурсов *переходных* поколений белорусов и россиян схожи, в них можно выделить четыре важнейших компонента:

1) личностный динамизм, обеспечивающий гибкость в ситуациях неопределенности, возможность выбора альтернатив, способность отказаться от старого, изжившего себя способа преодоления и найти наиболее оптимальный;

2) самоконтроль как сохранение устойчивости в ситуациях угрозы;

3) жизнестойкость как способность к реализации целей вопреки ограничениям;

4) самоактивация как способность к самостоятельности, физической и психологической активации даже в ситуациях «застывшей» реальности, которые занимают все же большую часть жизни человека.

В структуре личностных ресурсов новых поколений белорусов и россиян выделяется пятый компонент, объединяющий множество исследуемых нами характеристик. Данный компонент получил название «Самостоятельность», т.к. это единственная характеристика, по которой не было обнаружено различий между разными поколениями белорусов и россиян. Стремление к автономии и независимости, свободе и ответственности может стать ключевым ресурсом новых поколений белорусов и россиян.

Как видим, поворотные исторические события включают три ситуации вызова, которые взаимосвязаны между собой и требуют мобилизации личностных ресурсов. Ситуации устоявшейся, «застывшей» реальности как ситуации, препятствующие активизации личностных ресурсов, требуют более пристального и углубленного анализа. Ясно одно: ими нельзя пренебрегать. Как показало наше исследование, переходные поколения белорусов и россиян по степени выраженности и структурам личностных ресурсов практически не различаются. Это сильные поколения, главными качествами которых, по мнению В.И. Пищик [27], являются постоянная готовность к переменам, мобильность и расчет только на собственные силы и опыт. Переходное поколение белорусов еще сохранило

память о принадлежности к «огромной стране, где есть Камчатка, Памир, Крым, Байкал» [3], чувство причастности к великой культуре [13]. Поколение, которое утратило все это в один миг, но пройдя через «глобальную катастрофу», гибко лавируя между прошлым и новым мирами, смогло адаптироваться к новому миру и окрепнуть. Единственным исключением является такая характеристика жизнестойкости, как контроль, который свидетельствует о возможности управления своими ресурсами, уверенности в себе, своих решениях и который в большей степени характерен переходному поколению россиян, в отличие от белорусов. Выявленные различия по данной характеристике в очередной раз подтвердили ранее проведенные нами исследования [23] и исследования других авторов [20]. Вероятно, это связано с национальным характером белорусов, в который вкрапляются: неуверенность, «памяркоунасць» (сродни виктимности, терпимости), «сціпласць» (скромность) [3], покорность, беспомощность [35] и т.д., формирующие общее понимание белорусской культуры как особой дефензивной культуры.

Таким образом, переходные поколения белорусов и россиян — это поколения постоянной борьбы за выживание. Как сказал один из респондентов странствующих социологов С. Борисова и Ю. Юшковой-Борисовой: «Мне кажется, что народ постоянно закалялся в тяжелые моменты, потому что, когда все безоблачно и хорошо, теряется чутье для самосохранения» [3]. Вероятно, поэтому в условиях «безоблачности» мы наблюдаем сниженный уровень личностных ресурсов у молодых белорусов, в отличие от трех других исследуемых нами групп.

Выводы

1. Уровень развитости личностных ресурсов разных поколений белорусов и россиян зависит от культурно-исторических условий; ситуаций вызова; культурной вариативности в стратегиях поведения. Вызовом становятся ситуации неопределенности, требующие гибкости и личностного динамизма; ситуации достижения, призывающие к жизнестойкости; ситуации угрозы, требующие самоконтроля, и ситуации устоявшейся, застывшей реальности, требующие самоактивации. Такое значимое историческое событие, как распад СССР, продуцирует три ситуации вызова, взаимосвязанных между собой: неопределенности, достижения и угрозы. Ситуация устоявшейся, застывшей реальности — это специфическая ситуация вызова, значением которой нельзя пренебрегать, так как именно она в большей степени может ослаблять ресурсы личности в отличие от других ситуаций. Вариативность поведения в ситуациях вызова в некоторой степени определяется национальным характером белорусов и россиян, который все четче проявляется при разобщении двух народов.

2. Личностные ресурсы (жизнестойкость, самоактивация, личностный динамизм, самоконтроль) переходных поколений белорусов и россиян и нового поколения россиян способствуют их готовности к вызовам современности, в отличие от нового поколения белорусов,

ресурсы которого ослаблены. Контроль как одна из характеристик жизнестойкости, отражающая возможность управления своими ресурсами, уверенность в себе и своих решениях, снижен у белорусов в двух поколениях и, возможно, связан с дефензивностью как обобщающей характеристикой национального характера белорусов. Дефензивность нового поколения белорусов выступает более выпукло и, с одной стороны, свидетельствует об уязвимости, с другой, являясь «тонким, нежным образованием», позволяет белорусской молодежи быть гибкой в ситуациях застывшей реальности.

3. В структуре личностных ресурсов *переходных* поколений белорусов и россиян выделяются четыре взаимосвязанных компонента: 1) личностный динамизм, обеспечивающий гибкость в ситуациях неопределенности; 2) самоконтроль как сохранение устойчивости при ситуациях угрозы; 3) жизнестойкость как способность к реализации целей вопреки ограничениям в ситуации достижений; 4) самоактивация как способность к самостоятельности, физической и психологической активации в ситуациях устоявшейся, застывшей реальности. В структуре личностных ресурсов новых поколений белорусов и россиян выделяется пятый компонент: самостоятельность как стремление к автономии и независимости, свободе и ответственности. Он может стать ключевым ресурсом для новых поколений таких близких, но постепенно отдаляющихся друг от друга народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова В.А., Донцов А.И. Коллективная память о событиях в России XX века в современном российском обществе // Человеческий капитал. 2017. № 11 (107). С. 76—82.
2. Беляева Е.В. Система нравственности современного белорусского общества // Философско-культурологические исследования. Сб. статей. Вып. 1. / Под общ. ред. А.А. Легчилина, Т.Г. Румянцевой. Минск: БГУ, 2011. С. 66—93.

3. *Борисов С., Юшкова-Борисова Ю.* Понять Беларусь. Записки странствующих социологов. М.: Издательские решения, 2018. 214 с.
4. *Бражник Ю.В., Гриценко В.В.* Социальные представления русских и белорусов о мужских ролях в зависимости от связи с психологическими измерениями культуры [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 2 (10). URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 30.08.2018).
5. *Булавка-Бузгалина Л.А.* Глобализация отчуждения: в поисках альтернативы // Свободная мысль. 2017. № 1 (1661). С. 141–156.
6. *Бурлакова Н.С., Давидович П.С.* Опыт культурно-исторического анализа эмоционально-личностного развития детей в разной социальной и исторической ситуации [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 58. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 09.07.2018).
7. *Бурно М.Е.* Сила слабых [Электронный ресурс] // URL: <http://afield.org.ua/force.html> (дата обращения: 12.08.2018).
8. *Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Сучков Д.Д., Иванова Т.Ю., Сычев О.А., Бобров В.В.* Самоконтроль как ресурс личности: диагностика и связи с успешностью, настойчивостью и благополучием // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 2. С. 46–58. Doi:10.17759/chp.2016120205
9. *Донцов Д.А.* Культурно-исторические условия в качестве фактора влияния на личностные ресурсы лиц зрелого и молодого возрастов в контексте преодоления ими критических ситуаций // Сборник докладов по результатам научно-практической конференции «Человек в мире неопределенности: методология культурно-исторического познания», приуроченной к 120-летию Л.С. Выготского (г. Москва, 15–16 ноября 2016 г.) / Под ред. Т.Н. Сахаровой. М.: МПГУ, 2016. С. 39–51.
10. *Емелин В.А., Тхостов А.Ш.* Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 15–24.
11. *Иванова Т.Ю., Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Функции личностных ресурсов в ситуации экономического кризиса // Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 2. С. 323–346.
12. *Карелин М.А., Калининкова М.В.* Социальная гибридизация в контексте поколенческих субкультур // Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология. Политология. 2015. Т. 15. № 3. С. 43–46.
13. *Кара-Мурза С.Г.* Крах СССР. Кто виноват. М.: Алгоритм, 2016. 448 с.
14. *Коваленко С.Р.* Влияние хронического стресса на отношение человека к неопределенности // Университетская клиника. 2017. Т. 1. № 3 (24). С. 118–122.
15. *Латова Н.В.* Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда) // Вестник социологии. 2016. № 4. С. 156–179.
16. *Лашук И.В., Таранова Е.В.* Сфера культуры в социологическом измерении // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 3 (19). С. 7–31. doi: 10.19181/snsp.2017.5.3.5353
17. *Леонтьев Д.А.* Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.08.2018).

18. Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011. 675 с.
19. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. М., 2005. 328 с.
20. Леоненко Н.О., Панькова А.М. Этнопсихологические особенности и условия развития жизнестойкости студентов: учебное пособие. Екатеринбург, 2015. 173 с.
21. Логинова И.О. Проблема устойчивости жизненного мира как возможности жизненного самоосуществления человека в изменяющемся мире // Социальный мир человека. Вып. 8. Материалы VII Международной научно-практической конференции «Человек и мир: мирозидание, конфликт и медиация» (г. Ижевск, 5–7 апреля 2018 г.) / Под ред. Н.И. Леонова. Ижевск: ERGO, 2018. С. 365–369.
22. Мацевич М.Я., Валеитенок В.В. Проблема национальной белорусской идеологии в системе трансформирующегося общества // Вестник Северо-восточного Федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. 2017. № 4 (08). С. 43–52.
23. Одинцова М.А., Семенова Е.М. Преодолевающие стратегии поведения белорусов и россиян // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 82–89.
24. Одинцова М.А., Радчинова Н.П. Разработка методики самоактивации личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 58. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 03.05.2018).
25. Осин Е.Н., Рассказова Е.И. Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2. С. 147–165.
26. Пергаменик Л.А., Новак Н.Н. Социально-психологические условия психологического благополучия личности, пережившей кризисное событие // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 161–169.
27. Пищик В.И. Поколения: социально-психологический анализ ментальности // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 80–88.
28. Почебут Л.Г., Безносков Д.С. Психология восприятия социальной дистанции в отношениях разных стран мира: взгляд из России // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 1. С. 66–84. Doi: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-66-84
29. Сапронов Д.В., Леонтьев Д.А. Личностный динамизм и его диагностика // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 66–84.
30. Сиврикова Н.В. Проблемы изучения поколений в психологии // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 2. С. 100–107. Doi: 10.17759/chrp.2015110210
31. Сенкевич Л.В., Базаркина И.Н. Специфика личностных ресурсов преодоления критических ситуаций и ненормативных кризисов у лиц зрелого возраста в разных культурно-исторических условиях // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». 2012. № 4. С. 13–21.
32. Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, 2016. 768 с.
33. Тужба Э.Н., Пчегатлук С.К. Социальные детерминанты русско-белорусских отношений // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского

государственного аграрного университета. 2016. № 124 (10). С. 875–886. Doi: 10.21515/1990-4665-124-058

34. Федотова В.А. Взаимосвязь ценностей и инновативных установок у представителей разных поколений россиян // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 2. С. 82–92. Doi: 10.17759/sps.2016070206

35. Филиппова М.В. Особенности стратегий совладания, способов восстановления психоэмоционального состояния молодежных аудиторий некоторых этносов России и ближнего зарубежья // Технологии гражданской безопасности. 2017. Т. 14. № 1 (51). С. 50–58.

36. Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. Минск: БГУ, 2009. 231 с.

37. Янчук В.А. Социокультурно-индетерминистская диалогическая перспектива психологической проблематики формирования ценностей в контексте реалий XXI века // Зборнік навуковых прац Акадэміі паслядыпломная адукацыі. 2016. № 14. С. 540–562.

Comparative analysis of personal resources of belarusian and russian transitional and new generations in new cultural and historical conditions

M.A. ODINTSOVA*,

*Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
Mari505@mail.ru*

N.P. RADCHIKOVA**,

*Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia,
nataly.radchikova@gmail.com*

N.V. KOZYREVA***,

*Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus,
Kozyreva_nina@tut.by*

For citation:

Odintsova M.A., Radchikova N.P., Kozyreva N.V., Kuzmina E.I. Comparative analysis of personal resources of Belarusian and Russian Transitional and New Generations in New Cultural and Historical Conditions. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 2, pp. 47–66. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100205

* *Odintsova Maria A.* – PhD in Psychology, Professor., Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, Mari505@mail.ru

** *Radchikova Natalia P.* – PhD in Psychology, Associate Professor, Psychologico-Social Faculty, Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia, nataly.radchikova@gmail.com

*** *Kozyreva Nina V.* – teacher, Institute of Psychology, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus, Kozyreva_nina@tut.by

E.I. KUZMINA****,

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
kuzminaei@mgppu.ru

A comparative analysis of personal resources (hardiness, self-activation, personal dynamism, self-control) of the last Soviet (transitional) and post-Soviet (new) generations of Belarusians and Russians is presented. On the basis of the comparative analysis of four groups (N = 426): transitional (N = 100) and new (N = 104) generations of Russians; transitional (N = 93) and new (N = 129) generations of Belarusians, the following aspects are considered: 1) differences in the characteristics of resilience, self-activation, self-control and personal dynamism; 2) the structure of personal resources of transitional and new generations of Belarusians and Russians. It is shown that vitality, self-activation, self-control, personal dynamism have different levels of expression in different generations of Belarusians and Russians, depending on the cultural and historical context. A peculiarity of the transitional generations of Belarusians and Russians is the homogeneous structure of personal resources, in contrast to the structure of the personal resources of new generations. This type of research introduces the problems of the historicity of generations and the problems of the contribution of cultural-historical conditions and situations of challenge to personal resources.

Keywords: *personal resources, hardiness, self-activation, self-control, personal dynamism, cultural and historical conditions, challenge, USSR collapse, generations, Belarusians, Russians.*

REFERENCES

1. Baranova V.A. Dontsov A.I. Kollektivnaya pamyat' o sobytiyakh v Rossii XX veka v sovremennom rossiiskom obshchestve [Collective memory of events of Russia of the XX century in the modern Russian society]. *Chelovecheskii kapital [Human capital]*, 2017, no. 11 (107), pp. 76–82. (In Russ.; abstr. in Engl.).
2. Belyaeva E.V. Sistema npravstvennosti sovremennogo belorusskogo obshchestva [Morality system in the late-modern Belarusian society]. In Legchilina A.A. (ed.). *Filosofsko-kul'turologicheskie issledovaniya [The philosophical and cultural of the study]*. Minsk: BGU Publ., 2011, pp. 66–93.
3. Borisov S., Yushkova-Borisova Yu. Ponyat' Belarus'. Zapiski stranstvuyushchikh sotsiologov [Elektronnyi resurs] [To Understand Belarus. Notes of wandering sociologists]. Moscow: Izdatel'skie resheniya Publ., 2018. URL: https://ridero.ru/books/ponyat_belarus/ (Accessed 28.07.18)
4. Brazhnik Yu.V. Gritsenko V.V. Sotsial'nye predstavleniya russkikh i belorusov o muzhskikh rolyakh v zavisimosti ot svyazi s psikhologicheskimi izmereniyami kul'tury [Elektronnyi resurs] [Social representations of Russians and Belarusians about male roles,

**** Kuzmina Elena I. — Dean of the Faculty of Distance Learning of Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, kuzminaei@mgppu.ru

- depending on the connection with the psychological dimensions of culture]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)* [Modern research of social problems (electronic scientific journal)], 2012, no. 2 (10), URL: www.sisp.nkras.ru (Accessed 30.08.2018).
5. Bulavka-Buzgalina L.A. Globalizatsiya otchuzhdeniya: v poiskakh al'ternativy [Globalization of alienation: In Search of an alternative]. *Svobodnaya mysl'* [Free thought], 2017, no 1, pp. 141–156. (In Russ.; abstr. in Engl.).
6. Burlakova N.S., Davidovich P.S. Opyt kul'turno-istoricheskogo analiza emotsional'no-lichnostnogo razvitiya detei v raznoi sotsial'noi i istoricheskoi situatsii [Elektronnyi resurs] [The experience of cultural and historical analysis of the emotional-personal development of children in different social and historical situations]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies], 2018. Vol. 11, no. 58. p. 8. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 09.07.2018). (In Russ., Abstr. in Engl.).
7. Burno M.E. Sila slabykh: psikhoterapevticheskaya kniga [Elektronnyi resurs] [The power of the weak. The book of psychotherapeutic]. Moscow: PRIOR Publ., 1999. 368 p. URL: <http://afield.org.ua/force.html> (Accessed 12.08.2018).
8. Gordeeva T.O., Osin E.N., Suchkov D.D., Ivanova T.Yu., Sychev O.A., Bobrov V.V. Samokontrol' kak resurs lichnosti: diagnostika i svyazi s uspezhnost'yu, nastoichivost'yu i blagopoluchiem [Self-control as a resource of personality: diagnosis and connection with success, perseverance and well-being]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2016, no. 12(2), pp. 46–58. doi:10.17759/chp.2016120205 (In Russ., Abstr. in Engl.).
9. Dontsov D.A. Kul'turno-istoricheskie usloviya v kachestve faktora vliyaniya na lichnostnye resursy lits zrelogo i molodogo vozrastov v kontekste preodoleniya imi kriticheskikh situatsii [Cultural and historical conditions as a factor of influence on personal in resources of persons of Mature and young age in the context of overcoming critical situations]. Sbornik dokladov po rezul'tatam nauchno-prakticheskoi konferentsii «Chelovek v mire neopredelennosti: metodologiya kul'turno-istoricheskogo poznaniya», priurochennoi k 120-letiyu L.S. Vygotskogo (g. Moskva, 15–16 nojabrja 2016 g.). [Proceedings of the scientific and practical conference “Personality in the world of uncertainty: methodology of cultural and historical knowledge”, to the 120-th anniversary of L.S. Vygotsky]. In T.N. Saharova (eds.). Moscow, MPG U Publ., 2016, pp. 39–51.
10. Emelin V.A., Thostov A.Sh. Deformatsiya hronotopa v usloviyah sociokul'turnogo uskorenija [Deformation of the chronotope in terms of social and cultural acceleration]. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 2015, no. 2, pp. 15–24. (In Russ., Abstr. in Engl.).
11. Ivanova T.Yu., Leont'ev D.A., Rasskazova E.I. Funktsii lichnostnykh resursov v situatsii ekonomicheskogo krizisa [Functions of Personality Resources in a Situation of Economic Crisis]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics.], 2016. Vol. 13, no. 2, pp. 323–346. (In Russ., Abstr. in Engl.).
12. Karelin M.A., Kalinnikova M.V. Sotsial'naya gibridizatsiya v kontekste pokolencheskikh subkul'tur [Social Hybridization in the Context of Generational Subcultures]. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Sotsiologiya. Politologiya*

- [*Izvestiya of Saratov university. New series. Series: Sociology. Politology*], 2015. Vol. 15, no. 3, pp. 43–46. (In Russ., Abstr. in Engl.).
13. Kara-Murza S.G. Krakh SSSR. Kto vinovat [USSR collapse. Who is to blame]. Moscow. Publ.: Algoritm. 2016. 448 p.
14. Kovalenko S.R. Vliyanie khronicheskogo stressa na otnoshenie cheloveka k neopredelennosti [Influence of chronic stress on human relationship to uncertainty]. *Universitetskaya klinika [University clinic]*, 2017, no. 3–1 (24), pp. 118–122. (In Russ., Abstr. in Engl.).
15. Latova N.V. Kul'turnaya spetsifika rossiyan (etnometricheskii analiz na osnove kontseptsii G.Khofsteda) [Cultural specificity of Russians (ethnometric analysis based on the concept of G.Hofsted)]. *Vestnik sotsiologii [Herald of Sociology]*, 2016, no. 4, pp. 156–179. (In Russ., Abstr. in Engl.).
16. Lashuk I.V., Taranova E.V. Sfera kul'tury v sotsiologicheskom izmerenii [Sociological Analysis of the Cultural Sector]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika [Sociological science and social practice]*, 2017, no. 3 (19), pp. 7–31. doi: 10.19181/snsp.2017.5.3.5353
17. Leont'ev D.A. Vyzov neopredelennosti kak tsentral'naya problema psikhologii lichnosti [Elektronnyi resurs] [Challenge to uncertainty as the central problem of personality psychology]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological Studies]*, 2015. Vol. 8, no. 40, p. 2. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 21.08.2018). (In Russ., Abstr. in Engl.).
18. Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika [Personal potential: Structure and diagnostics]. In Leont'ev D.A. (eds.) Moscow: Smysl. Publ. 2011. 675 p.
19. Levada Yu.A. Pokoleniya XXI veka: vozmozhnosti issledovaniya [Generations of the XX century: possibilities of studying]. Ottsy i deti: pokolencheskii analiz sovremennoi Rossii [Fathers and Sons. Generational analysis of contemporary Russian]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005. 328 p.
20. Leonenko N.O., Pan'kova A.M. Etnopsikhologicheskie osobennosti i usloviya razvitiya zhiznestoikosti studentov [Ethnopsychological features and conditions for the development of students' resilience]. *Uchebnoe posobie [A textbook]*, Ekaterinburg: 2015, 173 p.
21. Loginova I.O. Problema ustoichivosti zhiznennogo mira kak vozmozhnosti zhiznennogo samoosushchestvleniya cheloveka v izmenyayushchemsya mire [Sustainability of the life world as an opportunity for self-realization in a changing world]. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «*Chelovek i mir: mirosozidanie, konflikt i mediatsiya*» (g. Izhevsk, 5–7 aprelya 2018 g.) [Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference «*Man and the world: peace, conflict and mediation*»]. In N.I. Leonov (eds.). Izhevsk: ERGO Publ., 2018, pp. 365–369.
22. Matsevich M.Ya., Valeitenok V.V. Problema natsional'noi belorusskoi ideologii v sisteme transformiruyushchegosya obshchestva [The Problem of the National Belarusian Ideology in the System of the Transforming Society]. *Vestnik Severo-vostochnogo Federal'nogo universiteta im. M.K.Ammosova. Seriya: Istoriya. Politologiya. Pravo [Vestnik of North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov]*, 2017, no. 24 (08), pp. 43–52. (In Russ.; abstr. in Engl.).

23. Odintsova M.A., Semenova E.M. Preodolevayushchie strategii povedeniya belorusov i rossiyan [Overcoming the strategies of behavior of Belarusians and Russians]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2011, no. 3, pp. 82–89. (In Russ.; abstr. in Engl.).
24. Odintsova M.A., Radchikova N.P. Razrabotka metodiki samoaktivatsii lichnosti [Elektronnyi resurs] [Development of a technique for self-activation of personality]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2018, Vol. 11, no. 58, p. 12. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 03.08.2018). (In Russ.; abstr. in Engl.).
25. Osin, E.N., Rasskazova, E.I. Kratkaya versiya testa zhiznestoikosti: psichometriccheskie kharakteristiki i primenenie v organizatsionnom kontekste [A short version of the viability test: psychometric characteristics and application in the organizational context]. *Vestnik Moskovskogo universiteta Ser. 14. Psikhologiya* [The Moscow University Herald. Series 14. Psychology], 2013, 2, pp. 147–165.
26. Pergamenschik L.A., Novak N.G. Social Psychological Conditions of Psychological Well-Being in Individuals Who Have Experienced Critical Events. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2015. Vol. 6, no. 4, pp. 161–169. doi:10.17759/sps.2015060412. (In Russ., abstr. in Engl.).
27. Pishchik V.I. Pokoleniya: sotsial'no-psikhologicheskii analiz mental'nosti [Generation: a socialpsychological analysis of mentality]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2011, no. 2, pp. 80–88. (In Russ.; abstr. in Engl.).
28. Pochebut L.G., Beznosov D.S. Psikhologiya vospriyatiya sotsial'noi distantsii v otnosheniyakh raznykh stran mira: vzglyad iz Rossii [Perception psychology on social distance to different countries: russian view]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik RUDN. International Relations], 2018. Vol.18, no. 1, pp. 66–84. doi: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-66-84 (In Russ.; abstr. in Engl.).
29. Sapronov D.V., Leont'ev D.A. Lichnostnyi dinamizm i ego diagnostika [Personal dynamism and its diagnostics]. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics], 2007, no. 1, pp. 66–84.
30. Sivrikova N.V. Problems of Research on Generations in Psychology. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2015. Vol. 11, no. 2, pp. 100–107. doi:10.17759/chp.2015110210. (In Russ., abstr. in Engl.).
31. Senkevich L.V., Bazarkina I.N. Spetsifika lichnostnykh resursov preodoleniya kriticheskikh situatsii i nenormativnykh krizisov u lits zrelogo vozrasta v raznykh kul'turno-istoricheskikh usloviyakh [Specificity of Personal Resources to Overcome Critical Situations and Non-normative Crises in Persons of Mature Age in Different Cultural and Historical Conditions]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Psychological Sciences], 2012, no. 4, pp. 13–21. (In Russ.; abstr. in Engl.).
32. Taleb N.N. Antikhrupkost'. Kak izvlech' vygodu iz khaosa [Elektronnyi resurs] [Antifragility. How to derive a benefit from chaos]. Moscow: KoLibri Publ., 2014. 768 p. URL: <http://baguzin.ru/wp/nassim-nikolas-taleb-antikhrupkost-k/> (Accessed 10.08.2018).
33. Tuzhba E.N. Pchegatluk S.K. Sotsial'nye determinanty russko-belorusskikh otnoshenii [Social determinants of russianbelarus relations]. *Politematicheskii setevoi elektronnyi*

nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University], 2016, no. 124 (10), pp. 875–886. doi: 10.21515/1990-4665-124-058 (In Russ.; abstr. in Engl.).

34. Fedotova V.A. Values and Attitudes towards Innovation among Different Generations of Russian People. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2016. Vol. 7, no. 2, pp. 82–92. doi:10.17759/sps.2016070206. (In Russ., abstr. in Engl.)

35. Filippova M.V. Osobennosti strategii sovladaniya, sposobov vosstanovleniya psikhoemotsional'nogo sostoyaniya molodezhnykh auditorii nekotorykh etnosov Rossii i blizhnego zarubezh'ya [Peculiarities of Coping Strategies, Preferred Methods for Recovery of Psycho-Emotional State among Youth Audiences of Some Ethnic Groups of Russia and Neighbouring Countries]. *Tekhnologii grazhdanskoi bezopasnosti [Civil SecurityTechnology]*, 2017. Vol. 14, no. (51), pp. 50–58.

36. Tsennostnyi mir sovremennogo cheloveka: Belarus' v proekte «Issledovanie evropeiskikh tsennostei» [Contemporary person's value world: Belarus in the project «A study of European values». In D.M. Bulynko, A.N. Danilov, D.G. Rotman (eds). Minsk: BGU Publ., 2009. 231 p.

37. Yanchuk V.A. Sotsiokul'turno-indeterministskaya dialogicheskaya perspektiva psikhologicheskoi problematiki formirovaniya tsennostei v kontekste realii XXI veka [Sociocultural and interdeterministic diological perspective of the value formation problem in the context of the xxi century]. *Zbornik navukovykh prats Akademii paslyadyplomnaya adukatsyi [Collection of proceedings Academy of Postgraduate Education]*, 2016, no. 14, pp. 540–562.